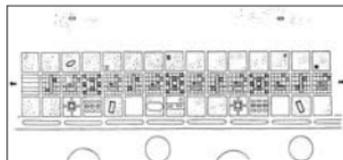

Москва—город ракета,
Н.Ладовский и коллектив, 1932 г.
Moscow — a "rocket-city".
N. Ladovskiy and team, 1932.

Участок жилого пояса из проекта Магнитогорска.
Бригада ОСА, руководитель И.Леонидов,
1930 г.
A part of the residential belt from Magnitogorsk project.
OSA team headed by I. Leonidov,
1930.

*«Каждо обладает собственной волей
и способно проделывать жизнь владельца,
одновременно порабощая его, искажать его помыслы
и вызывать у него желание обладать Кольцами».*
Дж. Толкиен, «Властелин колец»

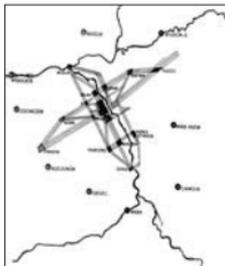
Как умом не понять всю Россию, так умом не понять и современное российское градостроительство. Вопрос в том, можно ли в него верить? Если судить по Москве, то вряд ли. И в свете обозначенной журналом темы года — «Москва в точке перехода» приходится признать, что современное московское градостроительство является величиной даже не отрицательной, а минимой.

Михаил Туркатенко
В центре бублика

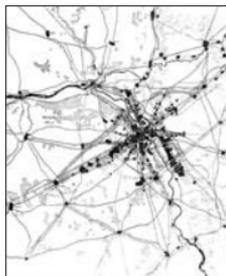
Недостатки советского градостроительства в той же Москве хорошо известны и не раз описаны, и многие проблемы города современного берут начало именно с них. Но оно хотя бы было. Как на уровне теории, так и на уровне практики. А сегодня, как представляется, его просто нет. Ни на одном из уровней. Ведь нельзя же назвать градостроительством точечную застройку и вывод вместо модернизации и перепрофилирования промтерриторий, лишающий москвичей мест приложения труда (как поет Шнур — «Заводы стоят, одни гитаристы в стране»), именно эти вопросы, судя по поступающей дозированной информации, и занимали в основном московских градостроителей последние годы. А инцидентом века всенародного обсуждения нового генплана города лишь подтвердила его отсутствие. Здесь хотелось бы остановиться только на одном аспекте перспектив развития города в условиях отсутствия современного московского градостроительства, правда, весьма существенном, а именно — на взаимодействии Москвы с Московским регионом.

Весь XX век (собственно с начала современного градостроительства) одной из основных задач, которые ставили перед собой градостроители во всем мире, был переход от замкнутого средневекового города к открытым градостроительным системам, в рамках которых происходило бы как территориальное развитие, так и перераспределение населения и функций. И российские/советские градостроители первые тридцать лет этого века принимали самое активное участие в решении означенной задачи. Их имена и проекты не нуждаются в напоминании. Однако в последующие лет сорок о концепциях линейных городов в нашей стране пришлось забыть, что было связано с резким изменением государственной политики в области расселения, фактически крепостным закреплением граждан в местах проживания и определенным маятниковым миграций как однозначно негативного явления. В то время как в той же Европе активно продолжалось развитие концепции линейных систем расселения, что привело в конечном итоге в выра-

ботке такого понятия, как «полосно-узловая система расселения», лежащего в основе всей региональной европейской градостроительной политики до настоящего времени. Но с начала семидесятых годов и у нас в стране, по крайней мере, на уровне теоретических разработок, несмотря на сохранение «гранец осодности» и института прописки, стало постепенно приходить понимание невозможности изолированного развития населенных мест. В Москве это было связано в первую очередь с деятельностью выдающегося отечественного градостроителя А.Гутнова и коллектива возглавляемого им Отдела перспективных исследований НИИПИ Генплана г. Москвы. Выпавшие ими предложения по перспективному развитию Московской градостроительной системы (термин введен А.Гутновым) были не только в русле общими мировой градостроительной теории и практики, но и, что главное, соответствовали реальным тенденциям развития Москвы и прилегающих территорий. Приходящие в стране инциденты, казалось бы, должны были закрепить в отечественном

Концепция пространственного освоения территории
Польша,
Б. Малиц, 1974 г.
A concept of Poland's territorial development
by B. Malic, 1974.

Варшава Функциональная:
а – принципиальная схема; б – ее конкретизация «на местности».
Я. Хмелевский и Ш. Сыркус, 1934 г.
Warsaw – Functional:
a) principal scheme, b) its siting specification,
by J. Hmelevsky and S. Syrkus, 1934.

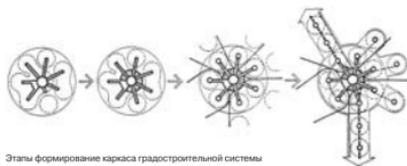
градостроительстве общемировую тенденцию перехода к полосу-узловым системам расселения как наиболее эффективной форме территориальной организации демократического общества с рыночной экономикой. Но не тут то было. Выяснилось, что как демократия у нас «суверенная», так, очевидно, и градостроительство у нас тоже «суверенно», т.е. феодальное, уж в Москве точно. Здесь ситуация вернулась в средневековые, к городам с крепостными стенами. А иначе трудно рассмотреть положение, при котором город оказался в роли анклава внутри другого субъекта федерации – Московской области.

И дело здесь совсем не в том, что это лишает Москву перспективы территориального роста – даже без учета промзонами территориальных резервов в городе предостаточно. Просто имми надо уметь распорядиться. Такая ситуация не позволяет развиваться Москве и прилегающим к ней территориям как единому структурно-функциональному образованию.

Более того, это является основой для возникновения искусственных барьеров между городом и областью. Ярким примером этого является недавняя попытка ввести дополнительную плату за выезд в Москву пассажиров пригородных электричек. Не удивлюсь, если область потребует в ответ плату за транзит через ее территорию грузов и энергоресурсов для Москвы. И этот конфликт интересов, заложенный в наличие подобных административных границ, может развиваться до бесконечности, если не в явной форме, то в виде «перетягивания одеяла».

Самым существенным образом это сказывается на развитии транспортного каркаса Москвы и следующим за ним распределении функциональных узлов. Накручивание кольцевых магистралей только увеличивает функциональное давление на городской центр, в то время как строительство вылетных хорд (которые были предостроены даже на самом революционном генплане Москвы

1971 г.) позволило бы по-новому взглянуть на оппозицию «центр-периферия». Разумеется, речь не идет о присоединении Московской области к Москве для преодоления этой архаичной ситуации. Такое образование вполне могло бы претендовать на вступление в ООН в качестве субъекта международного права. А как раз наоборот – о разукрупнении всех составляющих этой градостроительной системы. Это только при авторитарном управлении чем крупнее, тем лучше. А при демократическом – вступают в силу синергетические законы, позволяющие согласованно действовать даже самым малым составляющим. Ведь никто никогда не слышал о таких территориальных образованиях, как Нью-Йоркская, Парижская или Лондонская области, а собственно Москва – это примерно то же самое, что Париж в пределах Камер-Коллежского вала. И согласованно развитием таких территорий ведают «внешние» органы управления, как, например, Совет Боль-

Этапы формирования каркаса градостроительной системы (на примере Московской градостроительной системы),
А. Гутнов, 1979 г.
Stages of formation of the urban planning system framework (case study of Moscow urban planning system)
by A. Gutnov, 1979.

Схема структурно-функциональной организации Московской градостроительной системы (вариант перспективного развития),
А. Гутнов, 1979 г.
Structural-functional organization of Moscow urban planning system (variants of perspective development) by A. Gutnov, 1979.

Развитие Москвы и Московского региона, вариант,
З. Ярина, 1990 г.
Development of Moscow and Moscow region, a variant,
by Z. Yarina, 1990.

Эскизная концепция пространственного развития Москвы и Московского области до 2050 г. Конкурсный проект коллектива Московского архитектурного института, И. Лезава (рук. авт. коллектива), Б. Еремин, А. Квасов, Т. Потапова, Е. Русакова, С. Садовский и др., 1987 г.
Sketch concept of territorial development of Moscow and Moscow region till 2050.
A competition entry by Moscow Architectural Institute team: I. Lezhava (head of the team), B. Ermin, A. Kvasov, T. Potapova, E. Rusakova, S. Sadovskiy, etc., 1987.

шого Лондона, в котором преимуществом не ни одного территориального образования. Но самое главное, что в основном управление развитием этих территорий происходит не в «ручном», а в автоматическом режиме, в рамках развитого и строго выполняемого градостроительного законодательства, которое предопределяет поведение всех участников градостроительного процесса и гарантирует приемлемый результат. Что вообще отсутствует в Москве, где все полностью зависит от воли начальства. А начальство – оно разное бывает. Такое состояние московского градостроительства объясняется, как мне кажется, не только давлением со стороны московских властей, которые, судя по всему, рассматривают его как послушный инструмент для решения своих сиюминутных проблем, совсем не всегда имеющих отношение к интересам горожан, но и тем, где оно черпает кадры. Ведь ни один московский вуз не готовит градостроителей в современном смысле этого слова. Сомнева-

юсь, что такие вузы есть в стране. Так что на руководящие и рядовые должности приходят обычные архитекторы, имеющие опыт работы в уже сложившемся градостроительном процессе, кроме которого они ничего и не знают. Так что совершенствовать его, выводить на новый уровень они попросту не могут. Сегодня много говорят о реформе образования, в том числе архитектурного, о его «европеизации» в соответствии с болонской конвенцией, которую подписала и наша страна. Но в сфере архитектурного образования этот процесс носит чисто формальный характер, выражающийся в простом переименовании существующих подходов и методов. В частности, градостроитель продолжает готовить по тем же программам, что и тридцать лет, лишь добавит пару часов назад. Готовить градостроитель-рисульцовщиков, относящихся к городу исключительно как к композиции, а не как к сложному структурно-функциональному образованию, живущему и развивающемуся

по своим объективным законам. На Западе градостроитель – это отдельная, самостоятельная профессия. И учат ей в специальных учебных заведениях, где нет в программах отмычек, рисования гипсовых голов и живописи, но зато есть много других предметов, действительно необходимых градостроителю. Понятно, что и там нет возможности охватить все сферы, входящие в градостроительную практику приходится привлекать, так же как и у нас, специалистов смежных профессий. Вот только уровень взаимодействия профессионально подготовленного градостроителя с представителями этих самых смежных профессий, а значит, и окончательного интегрального решения, совсем другой, чем при аналоге античных композиций. Так что, судя по всему, нам еще долго придется жить при «суверенном», т.е. отсутствующем градостроительстве. Со всеми вытекающими из этого последствиями.